

Валентин Гэфтер (Институт прав человека):

Небольшое заключение к первой части. Конечно, мы более или менее договариваемся по каноническому определению «узника совести». Не буду повторять сказанное в дискуссии. Этот термин касается ненасильственной защиты своих прав, либо опубликования своих убеждений, либо по принципу принадлежности к другой группе. Это понятно, и не вызывает расхождений. Таких людей довольно мало сейчас, но если мы будем потом это обсуждать в узком экспертном порядке, то здесь мы найдем общий язык.

По предложениям Натальи Холмогоровой могу сказать, что это является расширением понятия, которым мы занимаемся традиционно, последние 15 лет, на постсоветском пространстве. Это понятие преследования по политическим мотивам применительно к узникам совести. Наталья, я согласен с аргументами Верховского, не буду их повторять. Смысл такой... Конечно, до той поры, пока антиэкстремистское законодательство не пересмотрят. Мы не согласимся с вами, что его надо при этом полностью отменить. Тут разные у нас позиции. Но, пока оно не пересмотрено, многие из тех, кто идет по нынешнему антиэкстремистскому законодательству в комбинации статей или в чистом виде, их дела требуют тщательного анализа, - но не автоматического зачисления в узники совести.

Второе. Вы сказали о расширении в сторону участников мирных ненасильственных акций. У нас сейчас нет таких статей, слава богу, и их никто не обвиняет просто за участие в акциях. Даже участие в несогласованном мероприятии рассматривается только в административном, а не в уголовном порядке. Но очень многие сидят по полностью или частично сфальсифицированным обвинениям в процессе этих акций. Наверное, мы тоже не согласимся автоматически с признанием человека «узником совести», в случае, когда он убил милиционера, загонявшего его на несанкционированном шествии или митинге. Я думаю, что такие случаи, как, например, дело Мохнаткина, также требуют тщательного рассмотрения, но автоматически не записываются.

Резюмирую первую часть. По узникам совести различного характера и принадлежности можно уже договориться в порядке такой, кабинетной, если хотите, работы. Требованием по отношению к узникам совести может быть лишь немедленное освобождение. Забегая вперед, скажу о том, что спрашивала Зоя Светова: вот это и должно было стать настойчивым требованием как митингов, так и темой хождения в Кремль. Это то, что нужно делать немедленно и сейчас.

Вопрос про политзаключенных. Я не буду повторять нашу позицию с двумя ключами, это не только наша позиция, не мы ее придумали. Она изложена в Постановлении экспертов Совета Европы 2001 года по делам об Армении и Азербайджане, и мы это много раз обсуждали. Это большая категория людей, для определения которых важно одновременно иметь в их отношении и политические мотивы властей, которые не просто так имеются, а проявляются в конкретных действиях или бездействии правоохранительных и судебных органов. Вот только их проявления, а не чтение в душах политиков имеет значение. Вряд ли кто-то из политиков признает, что он дал впрямую указания кого-то осудить. Это очень редко так бывает. Второе – это те самые нарушения. А третий ключ, но уже не обязательный, а дополнительный, и помогающий нам отнести кого-то к группе политзеков, - это, конечно, мотивы самих людей: их позиционирование или принадлежность к политической группе.

Третий вопрос из тех, что были заранее озвучены, – это, формально говоря, спор Давидис-Черкасов: в чью пользу толковать сомнения? Тут мне кажется, что всегда абсолютной презумпции невиновности обвиняемого и осужденного не может быть. Тут нет противоречия. Излишне заострили вопрос. Тут нет разницы. Конечно, рассмотрение аргументов адвокатской защиты, с точки зрения правозащитников, всегда должно быть необходимым, но недостаточным условием для причисления сидящего человека к политзаключенным.

Приведу краткий, но поразительный пример из истории нашей правовой системы. Мы с Сергеем Адамовичем после окончания гражданской войны в Грузии ездили туда. Ему, как действующему члену ПАСЕ, предоставили возможность встреч с прокурорами Грузии,

которые курировали уголовные дела. Одновременно мы посещали и камеры заключенных. Даже тех, кто был приговорен к пожизненному заключению за террористические акты, совершенные в ходе гражданской войны. Там был полевой и экспертный механизм, и там мы могли внимательно выслушать все стороны. А сейчас это то, что совершенно отсутствует во всех делах, связанных с политпреследованиями. Этого нет и в правоприменительной практике. Конечно, это нельзя сделать по тысячам людей. Но по резонансным делам это, конечно, возможно.

Я хочу сказать, что мы проходим сейчас между двумя крайностями. Первое - это чрезмерная политизация вопроса, что показывает многочисленность списков. Я как член Президентского совета по правам человека сам готовил Президенту списки на помилование, а совсем не те списки, которые сыплются на разных около президентских людей со всех сторон. Второе - мы не знаем точно, есть ли какое-то правосудие или надо носить передачи и помогать морально, как говорил Валерий Васильевич. Мы должны найти какой-то выход из этих двух крайностей. Между политизацией списков и почти неучастием в их составлении мы должны искать выход в правовом поле. Это значит: мы должны предлагать правовые механизмы, и наш Совет предложил кучу таких механизмов на самый верх. Изменения в законы о помиловании, об УДО, об амнистии, изменения в УК и УПК, законы об изменении системы наказаний в исправительных учреждениях.

Только в комплексе с принятием этих изменений может рассматриваться тот список людей, которых требуется освободить. Я говорю об узниках совести по списку, со всеми политическими силами согласованному. Тогда только это будет эффективно. Если каждый политик с митинга или просто так будет бегать к президенту и говорить, чтобы таких-то освободили для него, а таких-то может не надо, то это будет путь в никуда.

Считаю нужным еще добавить, что вопрос с Таисией Осиповой я считаю абсолютно порочным. Мы все боролись, чтобы смягчить ее участь, я лично ей очень сочувствую. Но это безобразие, когда нам публично говорят, что президент встречался со студентами на урфаке и дал указание прокуратуре. Она тут же услышала, побежала в Смоленский облсуд, и изменилось после этого наказание с десяти лет на четыре года. Не только неправовой это механизм, а косвенно получается одобренным сам принцип определения наказания и осуждения. Дали поменьше, и ладно! Я не хотел бы, чтобы дело пошло таким путем. Надо менять правовую систему, сокращая это неправовое поле.